

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

Изданіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

1890

КНИГА ПЕРВАЯ

ЯНВАРЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1890

Александръ Дмитріевичъ Градовскій.

„Счастливы государства, гдѣ люди зрѣлые и богатые положительными знаніями постоянно возвращаются къ философіи, чтобы освѣжать и обновлять свой духъ и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно управляютъ міромъ и связуютъ какъ бы въ неразрывныхъ узахъ всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души въ эти общіе начала образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова, способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе передъ мелочностью и невѣжествомъ“.

Эти прекрасныя слова Шеллинга нѣсколько разъ повторяются въ различныхъ сочиненіяхъ А. Д. Градовскаго. Въ этихъ словахъ заключается самая существенная часть программы всей жизни Градовскаго и завѣтъ всѣмъ желающимъ идти вмѣстѣ съ нимъ. „Старайтесь выработать себѣ принципы, свяжите ихъ въ одно цѣльное міросозерцаніе и это дастъ вамъ великую силу въ борьбѣ“. Вотъ чему училъ и что самъ старался провести въ своей жизни А. Д. Градовскій. Всѣ сферы его дѣятельности были лишь различными проявленіями служенія его поставленнымъ имъ себѣ основнымъ принципамъ и идеаламъ.

Градовскій—ученый, Градовскій—профессоръ, Градовскій публицистъ и Градовскій частный человекъ, вездѣ одинъ и тотъ же. Онъ не дѣлилъ этихъ сферъ жизни: онъ былъ ученый и оставался вѣрнымъ этому своему главнѣйшему призванію. На кафедрѣ онъ оставался такимъ же строгимъ ученымъ и ученики его съ благодарностью вспоминаютъ его полныя знанія и таланта лекціи. Это не было сухое, скатое изложеніе предмета, какъ часто мы встрѣчаемъ на университетской кафедрѣ и у насъ и за границей, нѣтъ, это была увлекательная и самая серьезная передача того, что самъ профессоръ добылъ путемъ строгаго научнаго анализа. Серьезнымъ характеромъ своего курса Градовскій какъ бы подымалъ своихъ слушателей: онъ точно имъ хотѣлъ сказать: „Вы достаточно созрѣли, чтобы ввести васъ сразу въ лабораторію науки: смотрите сами на тѣ приемы, которыми я стараюсь добыть научныя истины, работайте сами, я вамъ даю для этого средства; не одни результаты вы услышите отъ меня, но я раскрою весь путь, которымъ и дошелъ до этого“. Въ этомъ то и заключается то громадное значеніе, которое имѣлъ Градовскій на кафедрѣ. Далѣе, тѣмъ же ученымъ онъ былъ и въ литературѣ. Онъ не стѣснялся говорить серьезные вещи въ журналахъ и газетахъ, онъ не желалъ принаравляться къ требованіямъ улицы; наоборотъ, воспитательное значеніе публицистики онъ видѣлъ тамъ, гдѣ она остается вѣрной своему призванію: будить общественную мысль и неустанно говорить объ идеалахъ человѣчества. Наконецъ, тоже значеніе вѣрнаго высшимъ принципамъ человекѣва Градовскій имѣлъ и въ частной жизни. На свѣжей могилѣ рано еще подымать и разбирать интимную жизнь человекѣва. Полная картина жизни Градовскаго, какъ частнаго человекѣва, только современемъ можетъ быть воспроизведена вполне. Много условій мѣшаютъ это сдѣлать теперь. Одно только можно сказать теперь, въ чемъ сойдутся всѣ близко знавшіе покойнаго Александра Дмитріевича, что Градовскій еще дороже становился вамъ, если вы близко познакомились съ его интимной жизнью. Это свойство человекѣва не всегда бываетъ

и у самых знаменитых дѣятелей. Велики бываютъ практическіе результаты дѣятельности человѣка, но далеко не такимъ чистымъ, свѣтлымъ, онъ является, какъ нравственная личность. Тѣмъ то и дорогъ былъ Градовскій, что и въ самой интимной жизни онъ желалъ сочетать свои дѣйствія съ „тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно управляютъ міромъ“. Идеаль Градовскаго былъ типъ „цѣльнаго“ человѣка, у котораго не было бы ни чувствъ непродуманныхъ, ни мыслей непрочувствованныхъ!.....

Александръ Дмитріевичъ Градовскій родился 13 декабря 1841 г. Въ 1858 году окончилъ курсъ во второй харьковской гимназіи. Отъ этого времени сохранились письма, гдѣ 16-тилѣтній юноша выражаетъ твердое намѣреніе посвятить себя профессурѣ. Поступивъ въ харьковскій университетъ, молодой Градовскій сталъ уже серьезно готовиться къ осуществленію своего плана. Состояніе тогдашняго юридическаго факультета въ Харьковѣ было не особенно удовлетворительно. Большинство профессоровъ несоотвѣтствовало своему назначенію. Но за то было нѣсколько молодыхъ ученыхъ, которымъ и удавалось поддерживать въ своихъ слушателяхъ вѣру въ значеніе и силу науки. На Александра Дмитріевича имѣли въ этомъ отношеніи сильное вліяніе профессора Пахманъ и Каченовскій. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ онъ всегда лекціи того или другого. Особенно близко ему было то, что читалъ Каченовскій. Каченовскій читалъ государственное право иностранныхъ державъ. Онъ привезъ съ собою изъ заграницы не только знанія, но и тотъ „духъ жизни“, который только началъ проявляться въ тогдашней Россіи. Обширныя познанія, талантливое изложеніе и, кромѣ того, особенность эпохи наступающаго освобожденія, все это объясняетъ то обаяніе, которое производила на слушателей картина политической жизни запада. Въ 1862 году Градовскій кончаетъ университетъ со степенью кандидата и поступаетъ на службу. Тѣмъ не менѣе, идутъ его

приготовленія въ магистерскому экзамену. Первоначальная его служба началась съ литературы. 1 октября 1862 г. онъ былъ допущенъ въ исправленію должности редактора харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей. Черезъ мѣсяць онъ былъ утвержденъ въ этой должности, но оставался редакторомъ всего около 4 мѣсяцевъ. 24 января 1863 г. А. Д. по прошенію былъ уволенъ отъ должности редактора и зачисленъ на службу въ число канцелярскихъ чиновниковъ харьковскаго губернатора. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ переѣхалъ въ Воронежъ и 5 мая 1864 года былъ опредѣленъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ. Въ этомъ званіи онъ остается по 3 декабря 1865 г., когда онъ былъ уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы. Съ этого времени начинается уже служеніе А. Д. одной наукой. Но и будучи чиновникомъ Градовскій не только готовился къ магистерскому экзамену, но во время пребыванія его въ Воронежѣ читалъ публичныя лекціи въ залѣ воронежскаго купеческаго клуба. Одна изъ этихъ лекцій, которую мнѣ удалось видѣть, доказываетъ, что уже въ Воронежѣ Александръ Дмитріевичъ приобрѣлъ такія знанія, которыя дѣлали его блестящимъ и серьезно ученымъ лекторомъ.

Предметомъ лекціи, было только что изданное положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. Указавъ на вліяніе различныхъ западныхъ учрежденій на нашу жизнь, А. Д. даетъ характеристику дореформенной эпохи и затѣмъ уже приступаетъ къ оцѣнкѣ положенія 1864 г. Изъ самой лекціи видно близкое знакомство автора съ европейскимъ, особенно англійскимъ законодательствомъ. Здѣсь же замѣтна сила мысли Александра Дмитріевича. Англійскія мѣстныя учрежденія и теорія ихъ истолкователя Рудольфа Гнейста не подчиняютъ себѣ всецѣло 24 лѣтняго юношу. Красивая картина англійскаго Selfgovernment'a, основаннаго на безвозмездной службѣ помѣстнаго дворянства, не соблазняетъ его, ибо для русской жизни онъ болѣе прочный залогъ развитія видѣть въ призваніи всѣхъ сословій къ мѣстному самоуправленію.

Теорія Гнейста сказывается лишь въ томъ, что Градовскій призываетъ людей независимыхъ принять на себя тягости мѣстной службы. „Только тогда, говорилъ Александръ Дмитріевичъ въ своей лекціи, когда дѣло земства и институтъ мировыхъ судей возьмутъ въ свои руки люди съ независимымъ положеніемъ, достаточно богатые для того, чтобы служить не изъ за денегъ, достаточно близкіе къ народу, чтобы пользоваться его довѣріемъ, можно будетъ сказать, что наше самоуправленіе стоитъ на твердой почвѣ“. Идеалистъ въ душѣ онъ взывалъ къ русской интеллегенціи, чтобы она шла на земскія должности и въ мировые судьи не ради окладовъ, а ради той пользы, которую она можетъ принести обществу. Градовскій самъ думалъ, что мысль эта можетъ вызвать сильную критику. „Но въ то время, таковы были заключительныя слова его, когда мысль эта быть можетъ будетъ подвергаться критикѣ, когда снисходительные люди будутъ называть ее мечтаніемъ, теорією, утопією, а люди энергическіе и прямо безсмыслицею, пусть вспомнятъ, что въ этихъ словахъ заключалось горячее желаніе, чтобы наше отечество покрылось умными, независимыми и добросовѣстными работниками, которые бы выстроили зданіе, планъ котораго начертанъ уже Государемъ, и чтобы девизомъ этихъ работниковъ были знаніе и трудъ, а цѣлью—нравственное развитіе и матеріальное благосостояніе русскаго народа“. Такія лекціи читалъ Александръ Дмитріевичъ еще до отпращиванія въ Петербургъ. Интересно сопоставить эту лекцію съ тѣмъ, что писалъ Александръ Дмитріевичъ о нашемъ самоуправленіи черезъ 10 слишкомъ лѣтъ. Юноша 24 лѣтъ взывалъ къ лучшимъ чувствамъ интеллигенціи, приглашая ее отдать себя служенію землѣ, а не своимъ экономическимъ интересамъ. Проходятъ годы, но идеалистъ не умираетъ. Оглядываясь въ 1878 г. на прошлое земства, Градовскій съ прискорбіемъ видитъ, что и въ земствѣ завелись тѣ люди, которые всю жизнь положили въ добычаніи рублей. Титъ современнаго „дѣльца“, къ сожалѣнію, иногда проявлялся и въ самоуправленіи. На борьбу съ этимъ зломъ А. Д. и призываетъ общество въ своей статьѣ о мѣст-

номъ самоуправленія, написанной въ 1878 году. Не можетъ быть общественной дѣятельности, когда вездѣ одна эксплуатація и мечты о наживѣ. „Вотъ отчего бы нужно было проснуться, какъ отъ страшнаго тяжелаго сна! Вотъ что прогнать съ глазъ крестнымъ знаменіемъ и теплой молитвой. Но чудовище стоитъ передъ глазами и не даетъ покоя тому, кому сколько нибудь дорога судьба родной земли. Самоуправленіе требуетъ великаго общественнаго покаянія, искренняго обращенія къ землѣ, къ истинному труду и къ народу. Настанетъ ли это великое время? Испѣлѣютъ ли наши язвы? Можемъ сказать евангельскими словами: „вѣрую Господи—помоги моему невѣрію“¹⁾). Это сопоставленіе указываетъ на твердость вѣры Градовскаго въ необходимости проповѣди сознанія своего долга передъ обществомъ. 13 лѣтъ времени не заставили его измѣнить своего взгляда! Но это доказываетъ ту твердость извѣстныхъ взглядовъ, которыя Градовскій успѣлъ выработать себѣ до поѣздки въ Петербургъ.

Поѣздка эта состоялась въ октябрѣ 1865 года. Въ Петербургѣ онъ держалъ магистерскій экзамень по государственному праву. Профессоръ, къ которому онъ долженъ былъ обратиться за указаніями, былъ И. Е. Андреевскій. Случайно сойдясь съ молодымъ Градовскимъ, И. Е. сразу поразился его богатыми способностями и много своими совѣтами и нравственною поддержкою помогать въ это время Александру Дмитриевичу. Градовскій всегда вспоминалъ это теплое отношеніе, которое онъ встрѣтилъ на первыхъ шагахъ своего пріѣзда въ Петербургъ.

Объ этихъ первыхъ шагахъ мы предоставляемъ говорить самому многоуважаемому Ивану Ефимовичу, описавшему, по просьбѣ нашей, первое знакомство свое съ покойнымъ Градовскимъ.

---

¹⁾ Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. Статья вторая. Сборн. госуд. знаній, т. VI, стр. 160.

Люди опыта и знанія говорятъ, что первому впечатлѣнiю поддаваться не должно. Но я не раскаиваюсь, что относительно покойнаго А. Д. поддался первому впечатлѣнiю: съ первой встрѣчи съ нимъ у меня родилось убѣжденiе, что это человекъ съ выдающимся талантомъ, что изъ него можетъ выработаться крупный, видный профессоръ политическихъ наукъ, что необходимо открыть ему дорогу.....

Осенью 1865 года, часовъ въ 6 вечера (этотъ часъ издавна у меня назначался для приѣма студентовъ) ко мнѣ явился А. Д., молодой конечно въ то время человекъ, недавно окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, чтобы получить отъ меня нѣкоторыя указанiя на тотъ случай, если онъ рѣшится держать экзамень на магистра государственнаго права. Желавшихъ подвергнуться экзамену было нѣсколько лицъ, такъ какъ по только что введенному въ дѣйствiе университетскому уставу 1863 каедрa государственнаго права была поставлена какъ отдѣльная и самостоятельная, тогда какъ по прежнему уставу 1835 г. она была соединена съ каедрою энциклопедiи. Послѣднюю занималъ до самой смерти своей извѣстный и славный въ лѣтописи СПб. Университета П. Д. Калмыковъ. Но по громадности двухъ каедръ, отчасти и по болѣзненности своей, онъ уже съ 1852 г. отказался отъ преподаванiя госуд. права (носившаго тогда названiе „государственныя учрежденiя“), которое было ввѣрено адъютанту Милютину, а (послѣ кончины послѣдняго) съ 1855 г. преподаванiе этого предмета возложено было на меня. Посвящая главное вниманiе избранному мною полицейскому праву, я преподавалъ и госуд. право, съ 1855 по 1862 г. Съ тѣхъ поръ преподаванiе этого предмета замолкло въ Спб. университетѣ до осени 1866 г.—Естественно на мнѣ лежала обязанность подготовить профессора, достойнаго Петерб. университета. Юрид. факультетъ въ то время былъ въ очень маломъ составѣ: кромѣ меня дѣйствовали И. И. Ивановскiй, П. Г. Рѣдкинъ, и И. Я. Горловъ; профессоръ гражд. права Вицынъ перешолъ въ 1855 г. въ судебное вѣдомство и въ дѣлахъ не принималъ участiя. Понятно, что каждаго новаго охотника держать экзамень на магистра государственнаго права я принималъ и изучалъ съ особымъ вниманiемъ.

А. Д. Градовскiй съ первыхъ же часовъ знакомства, говорю часовъ, такъ какъ онъ пробылъ у меня весь вечеръ, далеко за полночь, —показался мнѣ судьбою ниспосланнымъ для достойнаго за-

мѣщенія давно умолкнувшей катедры государственнаго права. Меня плѣнила въ немъ пылкость, энергія и острота ума, а равно вѣра въ великіе реформы того чуднаго времени, желаніе не быть празднымъ зрителемъ поражающаго всѣхъ подъема русскаго общества, желаніе дѣйствовать и работать. Мы наговорились вдоволь, и уже давно часы пробили полночь, а я ему съ полною откровенностью все излагалъ сложившіеся у меня планы на его профессорскую дѣятельность; тутъ же въ общихъ чертахъ остановились на планѣ экзамена и въ тотъ же вечеръ я предложилъ ему и тему для магистерской диссертациі: „О генераль-прокурорѣ“. Съ того дня начались его усиленныя работы, меня изумлявшія. Почти всякій день онъ у меня обѣдалъ, и какъ онъ выражался: хожу сюда я обѣдать и готовиться къ экзамену, и дѣйствительно наши ежедневныя бѣсѣды не выходили изъ области государственнаго права и политики. Всякій день А. Д. бралъ у меня ту или другую книгу, возвращая ее на другой или много на третій день. Я пораженъ былъ быстротою его работы и рѣдкимъ талантомъ весьма оригинальной критики: онъ просто пожиралъ книги, воздавая авторамъ каждому по дѣломъ его. Онъ началъ свои работы подъ замѣтнымъ, впрочемъ весьма хорошимъ, вліяніемъ своего Харьк. профессора Каченовскаго и упивался сочиненіями Ог. Конта. Согласившись со мною, что свѣдѣнія его по исторіи русскаго права еще довольно шатки и бѣдны, онъ съ неудержимымъ трудолюбіемъ схватился за ближайшее изученіе важнѣйшихъ памятниковъ русскаго права и справился съ этимъ также скоро, какъ и съ другими многоразличными областями госуд. права. Весною онъ приступилъ къ экзамену, и сдалъ его съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Мнѣ лично его экзаменъ былъ не нуженъ: всѣ его знанія были мнѣ въ точности извѣстны; но и по общему государственному праву проф. Ивановскій былъ вполне удовлетворенъ его отвѣтами. Послѣ экзамена онъ съ тѣмъ же трудолюбіемъ принялся за собраніе матеріаловъ для диссертациі. Работы его кипѣли. Въ іюлѣ онъ пріѣхалъ ко мнѣ на дачу (у меня была тогда дача въ Новг. губ., на берегу Волхова) уже съ туго набитымъ портфелемъ собранныхъ для диссертациі матеріаловъ. Два дня прогостилъ у меня А. Д., и бесѣда наша вращалась все на администраціи XVIII ст. Слушая увлекательныя рѣчи молодаго ученаго, я еще болѣе полюбилъ Петровскій Сенатъ, дѣятельность котораго въ XVIII ст., мнѣ всегда очень нравилась. Никогда не забуду этихъ часовъ пріятныхъ бесѣдъ: этотъ смѣхъ А. Д., всегда ѣдкій и вмѣстѣ

съ тѣмъ добродушный, покрывалъ чѣмъ то плѣнительнымъ разсматривавшуюся нами старую судебную и административную нашу практику. Любуясь этимъ ученымъ—юношею, полнымъ жизни и горячихъ стремлений, могъ ли я думать, что мнѣ придется пережить его и оплакивать преждевременную его могилу. . . . . Вспоминаются труды при разверстаніи собранныхъ имъ матеріаловъ въ диссертацию. Сидимъ разъ на сопкѣ (она и теперь существуетъ въ саду) подъ вѣтвями старинной сосны, и въ разговорѣ я обращаю между прочимъ вниманіе А. Д., что у него пробѣль, несобраны указанія на тотъ періодъ послѣ Петра I, когда прокуроры у насъ пропали, и я замѣчаю, что всѣмъ прокурорамъ пропасть невозможно. Это простое замѣчаніе вызвало долгій и усердный смѣхъ А. Д. и онъ бросился въ близъ лежащія грядки ѣсть ягоды, и оттуда какъ теперь слышится его голосъ: „такъ невозможно!“—и звонкій хохотъ долго стелется по грядкамъ, усыпаннымъ крупными, вѣто лѣто сильно уродившимися, ягодами. Много помнится подобныхъ смѣшныхъ эпизодовъ при зарождавшейся его магистерской диссертациі: „Высшая администрація XVIII ст. и генераль-прокуроры“. Онъ уѣхалъ, давъ слово, что со всѣмъ готовая диссертациія будетъ у меня на столѣ 31-го августа, и слово это выполнилъ. Рецензія моя была написана очень скоро, факультетъ съ нею согласился, диссертациія была напечатана, а осенью того же 1866 г. былъ диспутъ, на которомъ, кромѣ меня, оппонентомъ былъ уже перешедшій къ намъ изъ Харьковскаго университета С. В. Пахманъ. Диспутъ магистерскій А. Д. произвелъ то впечатлѣніе, что на кафедре госуд. права въ Петерб. университетѣ всходитъ талантливый ученый, который можетъ сдѣлаться украшеніемъ университета: онъ и сдѣлался таковымъ, почему его преждевременная кончина оплакивается истинными друзьями университета и науки.

По защитѣ диссертациі Градовскій и въ факультетѣ (засѣданіе 27 ноября 1866 года) и въ совѣтѣ (засѣданіе 12 декабря 1866 года) единогласно былъ избранъ штатнымъ доцентомъ, съ порученіемъ ему кафедры государственнаго права. 12 января 1867 года послѣдовало его утвержденіе въ этомъ званіи. Съ этого времени Градовскій сталъ читать какъ теорію государственнаго права, такъ и положительное право, русское и иностранное. Съ начала 1867 года начи-

нается его дѣятельность въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи Петербурга, въ Императорскомъ александровскомъ лицейѣ. Приказомъ по IV отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, отъ 29 января 1867 года, А. Д. Градовскій назначенъ былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ лицейѣ. Предоставляя лицамъ, близко слѣдившимъ за дѣятельностью Александра Дмитріевича въ лицейѣ, дать настоящую оцѣнку его, какъ профессора и руководителя юношей-лицейстовъ, я ограничусь здѣсь лишь немногими словами. Какъ въ лицейѣ, такъ и въ университетѣ, Градовскій не занималъ никогда никакого административнаго поста, но его нравственное вліяніе такъ было велико, что и факультетскія и совѣтскія дѣла въ университетѣ часто рѣшались подъ его руководствомъ. Такую же роль, если еще не въ большей степени, сколько мнѣ извѣстно, онъ игралъ и въ лицейѣ. Серьезною постановкою образованія въ высшихъ классахъ лицея, хорошимъ подборомъ преподавателей, лицеисты много обязаны Градовскому. Въ отвѣтъ за такое серьезное отношеніе къ нимъ, лицеисты платили Градовскому той же горячей любовью, которую питали къ нему и слушатели университета. Въ 1868 году 1 декабря Александръ Дмитріевичъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ лицейѣ и оставался профессоромъ вплоть до 11 сентября 1869 года, когда онъ былъ уволенъ отъ званія ординарнаго профессора лицея, съ оставленіемъ членомъ совѣта означеннаго заведенія. По лицейю Александръ Дмитріевичъ получилъ всѣ награды, которыя онъ только имѣлъ. 10 декабря 1870 года онъ былъ по должности ординарнаго профессора с.-петербургскаго университета переименованъ въ статскіе совѣтники и затѣмъ послѣдующіе чины — дѣйствительнаго статскаго и тайнаго совѣтника и ордена, которыя онъ имѣлъ, все это онъ получилъ по представленію начальства лицея. Университетъ его награждалъ тѣмъ, что было въ его распоряженіи: 29 сентября 1868 года состоялся докторскій диспутъ Градовскаго. Онъ защищалъ сочиненіе подъ названіемъ: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I.

Уѣздъ московскаго государства“. Оффиціальными оппонентами на диспутѣ были И. Е. Андреевскій и М. М. Михайловъ. Въ ноябрѣ 1866 г. Градовскій былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ с.-петербургскаго университета, а черезъ годъ (осенью 1869 года) совѣтъ университета удостоилъ его избраніемъ въ ординарные профессора. Послѣднюю дань уваженія къ заслугамъ Александра Дмитриевича совѣтъ с.-петербургскаго университета оказалъ тѣмъ, что въ засѣданіи 18 сентября 1889 года Александръ Дмитриевичъ Градовскій единогласно былъ избранъ почетнымъ членомъ с.-петербургскаго университета. Въ то же время юридическій факультетъ представилъ тѣмъ же больному Александру Дмитриевичу адресъ, за подписью всѣхъ членовъ факультета. Въ этомъ адресѣ выражалось глубокое сожалѣніе тому, что болѣзнь заставила Александра Дмитриевича разстаться съ университетомъ, и одновременно выражалось самое искреннее желаніе и надежда, что его здоровье настолько поправится, что онъ въ состояніи будетъ вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Горячее желаніе его сотоварищей неоправдалось и черезъ мѣсяць университетъ понесъ тяжкую утрату: 6 ноября 1889 г. не стало Александра Дмитриевича Градовскаго.

Оцѣнка всѣхъ трудовъ покойнаго А. Д. Градовскаго очевидно не можетъ быть теперь сдѣлана. Въ числѣ другихъ условій, препятствующихъ этому, не послѣднее мѣсто занимаетъ то, что цѣлый рядъ статей Александра Дмитриевича въ поврежденныхъ изданіяхъ трудно даже собрать. Я ограничусь указаніемъ на его отдѣльно изданныя книги, и на наиболѣе крупныя статьи въ журналахъ.

Къ самымъ первымъ напечатаннымъ произведеніямъ относится цитированная выше публичная лекція въ воронежскомъ клубѣ, сначала напечатанная въ воронежскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ матеріала, указывающаго, проявлялъ ли свою дѣя-

тельность Александръ Дмитріевичъ, когда былъ редакторомъ харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей, и какъ писатель.

Первый серьезный трудъ Градовскаго была его магистерская диссертация: „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генераль-Прокуроры“. С.-п.-б. 1866 годъ.

Въ 1868 году выходитъ его докторская диссертация: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи т. I, уѣздъ московскаго государства“. С.-п.-б. 1868 г.

Въ 1871 г. появляется первый сборникъ статей Александра Дмитріевича, подъ названіемъ „Политика, Исторія и Администрація, критическія и политическія статьи А. Градовскаго“. С.-п.-б. 1871 г.

Въ этотъ сборникъ вошло почти все, написанное Градовскимъ въ журналахъ, между 1866 и 1870 г.г. Сборникъ раздѣленъ на 3 отдѣла: I. Русская литература. II. Иностранная литература и III. Вопросы дня. Въ 1-й отдѣлъ вошли обстоятельныя рецензіи на выходившія тогда въ Россіи выдающіяся сочиненія по историко-политической литературѣ. Сюда отнесъ Градовскій 3 статьи свои: 1) „Теорія представительства“ — это есть собственно разборъ книги Б. Чичерина, „О народномъ представительствѣ“ Москва 1866 г. Разборъ сдѣланъ въ 1867 г. 2) Слѣдующая статья подъ названіемъ „Государственный строй древней Россіи“, написана въ 1868 г. по поводу появившейся книги: „Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Историческіе очерки В. Сергѣевича“ Москва 1867 годъ... Эта была первая критическая статья о трудѣ В. И. Сергѣевича, появившаяся въ русской литературѣ. 3) Въ томъ же 1868 году написанъ и разборъ труда М. И. Горчакова „Монастырскій приказъ (1649—1725 г. г.). Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. С.-п.-б. 1868 г. Рецензія на книгу М. И. Горчакова въ сборникѣ Градовскаго носитъ названіе „Эпизодъ изъ исторіи церковнаго управленія“. Во II отдѣлѣ помѣщены 2 интересныя статьи: 1) Государство и прогрессъ и 2) Парламентаризмъ во Франціи.

Первая написана въ 1867 г., а вторая въ 1869 году. Первая посвящается книгѣ Бюше „Traité de Politique et de Science sociale 2 vol. Paris 1866 г.“, а вторая труду В. Констана „Cours de Politique constitutionnelle par V. Constant. Avec Introduction et des notes par Ed. Laboulaye. Paris 1861 г.“.

Знакомство съ книгой Бюше А. Д. Градовскій считалъ потому полезнымъ, что она „стремится дать положительный отвѣтъ на вопросы, поставленные преобразовательнымъ движеніемъ въ сферѣ экономической и позитивную философію, въ области теоретической политики“. Этудь „Парламентаризмъ во Франціи“ не только рецензія труда В. Констана, но и попытка выставить самостоятельный взглядъ на общее значеніе конституціонныхъ идей во Франціи. Интересны слова предисловія Александра Дмитриевича, относящіяся къ этой статьѣ: „Парламентаризмъ, говоритъ онъ, вывѣтрился во Франціи вмѣстѣ съ тѣми слоями общества, идеямъ и интересамъ которыхъ онъ соотвѣтствовалъ. Буржуазія повидимому не имѣетъ политической будущности. У нея нѣтъ болѣе идей, остались одни интересы, да и то низшаго разбора. За нею стоитъ низшее сословіе, съ громаднымъ рабочимъ вопросомъ. Что выйдетъ изъ этой новой силы, принесетъ ли она горе или радость политическому міру, трудно сказать напередъ; но трезвая наука должна констатировать фактъ, а очевидность факта бьетъ въ глаза; только слѣпые не видятъ его“. Этихъ словъ достаточно, чтобы судить, какъ Градовскій умѣлъ во всякомъ явленіи политической жизни, отыскать его серьезное, жизненное значеніе. Третій отдѣлъ его перваго сборника озаглавленъ „Вопросы дня“. „Судьбы крестьянскаго вопроса, мѣстнаго самоуправленія, печати и отношеніе русскаго государства къ его окраинамъ, вотъ что волновало русское общество въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, волнуешь и теперь, ибо кто же скажетъ, что это вопросы разрѣшены или близки къ разрѣшенію? Инстинктивная ненависть къ новымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, порожденная чувствомъ сожалѣнія объ утратѣ вѣрностнаго права, вдохновляетъ до сихъ поръ разныхъ темныхъ публи-

цистовъ"! Не вѣрится, что эти слова написаны въ 1870, а не въ 1889 году. По поводу всѣхъ этихъ вопросовъ Градовскій писалъ въ Зарѣ, Голосѣ и Судебномъ Вѣстникѣ. Особенно энергично всталъ онъ на защиту сельской общины, ибо она, по его мнѣнью, особенно стала въ шестидесятыхъ годахъ мишенью для выстрѣловъ явныхъ и тайныхъ крѣпостниковъ. Врагами сельской общины явились не только наивные и откровенные крѣпостники, но и тѣ люди, которые выдавали себя за либераловъ и поклонниковъ запада. Градовскій въ первой статьѣ III отдѣла своей книги и имѣетъ задачей сорвать эту маску и показать, что „подъ подобной либеральной пѣной кроется самый ядовитый змій“ (стр. 408 его сборника). Изъ другихъ этюдовъ, вошедшихъ въ III отдѣлъ обращаетъ на себя особенное вниманіе этюдъ „О свободѣ русской печати“. (По поводу пересмотра нашихъ законовъ о печати). Этюдъ этотъ составили 3 статьи, напечатанныя въ Судебномъ Вѣстникѣ и одна статья, напечатанная въ Голосѣ. Разобравъ значеніе вопроса о свободѣ печати, Градовскій ясно высказываетъ свой взглядъ на подчиненіе печати закону, а не административному произволу. Этимъ само собою исключается вопросъ о направленіяхъ. „Если положеніе нашей печати на будущее время должно быть опредѣлено закономъ, подобно собственности, хозяйственной и промышленной дѣятельности гражданъ, вопросъ о направленіяхъ долженъ быть оставленъ въ сторонѣ. Между свободою направленій съ одной и административнымъ усмотрѣніемъ съ другой стороны, нѣтъ середины. Если законъ не можетъ съ точностью опредѣлить, какія направленія вредны и указать твердыхъ основаній для судебного ихъ преслѣдованія, ему предстоитъ одно изъ двухъ: или вовсе исключить вопросъ о направленіяхъ изъ законодательства о печати, или предоставить опредѣленіе направленій и самое ихъ преслѣдованіе усмотрѣнію администраціи“ (стр. 472 сборника). Послѣдній путь вредитъ правильному развитію печати и общественнаго мнѣнія. Вопросъ о направленіяхъ Градовскій полагалъ бы совсѣмъ изгнать изъ новаго законодательства о

печати, ибо необходимо, чтобы „всѣ партіи могли вести истинно литературную борьбу, подъ защитою и бдительнымъ надзоромъ закона и суда, и не имѣли бы возможности прибѣгать къ такимъ аргументамъ, какъ „доносъ, инсинуація“ и тому подобныя гнусныя средства, позорящія всякую журналистику и прикрывающія умственное ничтожество и малодушіе“.

Остающіяся неуказанными двѣ статьи этого отдѣла суть: „Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторства въ Россіи“ и „Проектъ губернской реформы“. Первая изъ нихъ разбираетъ вопросъ о бесполезности чрезвычайной административной власти;—вторая резимируется въ слѣдующемъ положеніи, которое должно быть послѣднимъ словомъ губернской реформы: „правильная организація правительственныхъ установленій, возможно большая свобода общества, независимость суда“ (512 стр. сборника). „Смѣемъ думать, заканчивается эта статья, что единственное наше спасеніе заключается въ томъ, чтобы честно и откровенно стать на почву истиннаго гражданскаго порядка, который немыслимъ безъ разумной общественной свободы“ (стр. 512 сборника).

Изъ обозрѣнія содержанія этого сборника мы видимъ, какъ сильно работала мысль Градовскаго, какъ живо относился онъ ко всѣмъ явленіямъ политической и общественной жизни. Въ этотъ же періодъ времени онъ защитилъ докторскую диссертацию, работалъ надъ своими курсами и читалъ въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: Университетѣ, Лицеѣ и въ Училищѣ правовѣденія. Послѣднее онъ бросилъ осенью 1870 года. Въ началѣ 1871 г. Градовскій снова выступаетъ передъ публикою въ рядѣ статей, посвященныхъ изслѣдованію вопроса національнаго движенія. Эти статьи съ дополненіями выходятъ въ 1873 году въ свѣтъ особою книгою, подъ названіемъ „Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ“. С.-п.-б. 1873 г. „По мѣрѣ того, говорится въ предисловіи къ этой книгѣ, какъ европейскія государства принимаютъ болѣе свободныя формы; по мѣрѣ того, какъ въ нихъ утверждается начало равноправности,

развивается просвѣщеніе, усиливается самодѣятельность общества и его участіе въ политическихъ дѣлахъ—въ каждомъ обществѣ усиливается сознаніе его индивидуальных особенностей. сознаніе себя, какъ нравственной личности среди другихъ народовъ“. Изслѣдованіе этого факта и составляло задачу указанныхъ статей и книги. Позднѣе я укажу на общее значеніе теоріи національности у А. Д. Градовскаго, теперь же перейду къ указанію на тѣ сочиненія чисто юридическаго характера, которыя стали появляться съ 1873 года.

8 февраля 1873 года произнесена было Александромъ Дмитріевичемъ рѣчь на актѣ с-петербургскаго университета: „О современномъ направленіи государственныхъ наукъ“. Рѣчь имѣеть задачей выяснить значеніе позитивнаго изученія политическихъ явленій. „Есть ли разрывъ между теоріею и практикой“—спрашиваетъ Градовскій въ началѣ рѣчи. „Разрывъ между теоріею и практикою!—продолжаетъ Градовскій—Стало быть, разрывъ между руководящимъ началомъ и практическимъ дѣломъ! Вотъ явленіе, которымъ меньше всего нужно бы хвалиться, особенно практическому дѣлу. Вотъ явленіе, которое всѣми мѣрами должна бы устранить сама наука, имѣющая свою цѣлью стать теоріею дѣла. Отчего же иногда мы видимъ господство общихъ идей и даже фразъ, лишенныхъ всякаго содержанія? Не покажетъ ли намъ опытъ исторіи, говоритъ Градовскій, что въ эти времена наука не могла, въ силу внѣшнихъ условій, пойти дальше общихъ идей, т. е. изъ знанія чистаго превратиться въ знаніе прикладное? Неувидимъ ли мы далѣе, что успѣхъ этихъ общихъ идей въ обществѣ и ихъ часто вредное дѣйствіе зависѣло отъ того, что общество ничѣмъ не участвовало въ практической жизни государства, т. е., что ему, знавшему многія теоріи, недоставало политическаго воспитанія, которое дается только участіемъ въ разныхъ отправленіяхъ государственной жизни“.

Признавая полезнымъ обратиться къ опыту другихъ народовъ и изслѣдовать способы ихъ политическаго образованія и воспитанія, Градовскій приходитъ въ выводу, что исто-

рія и практика тѣхъ временъ, когда провозглашались какіе либо безусловные принципы одинаково оставили нашему времени только нѣсколько поучительныхъ уроковъ. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

1) „Государство, провозгласившее безусловную годность данныхъ, слѣдовательно преходящихъ началъ своего строя, рискуетъ вызвать противоположные идеалы, столь же безусловные и неуступчивые. Отрицаясь отъ новыхъ требованій жизни, оно даетъ силу утопіи; отказываясь отъ прогресса осуществимаго, оно въ концѣ концовъ сталкивается съ идеалами неосуществимыми“.

2) „Наука, неимѣющая доступа къ практическимъ вопросамъ государственной жизни, выдается въ область утопіи; изъ полезной общественной силы она дѣлается элементомъ разрушительнымъ“.

3) Общество, неучаствующее въ государственной жизни, не въ силахъ сдержать утопическихъ стремленій и дѣлается ихъ жертвою. Я нарочно подробно останавливаюсь на этой рѣчи, такъ какъ въ ней сконцентрировано то, что мы впоследствии встрѣчаемъ и въ научныхъ и публицистическихъ трудахъ Александра Дмитріевича. Какія же главнѣйшія начала современной политической философіи? „Государство, говоритъ Градовскій, какъ всякое историческое явленіе, подчинено условіямъ развитія закономъ прогресса, т. е. его формы переходятъ отъ одного относительнаго принципа, годнаго для одного времени, въ другому, годному для времени послѣдующаго. И такъ, отрицаніе абсолютнаго и признаніе прогресса есть первое начало современной политической философіи, во имя котораго она отказывается отъ исканія безусловно годной формы государства, но тѣмъ настойчивѣе требуетъ, чтобы каждому данному состоянію общества соотвѣтствовала пригодная ему форма государства“ (рѣчь, стр. 10). Затѣмъ необходимо отмѣтить, что „общество XIX столѣтія обращаетъ вниманіе не столько на форму государства, сколько на задачи его дѣятельности и способы ихъ осуществленія“. „Ученіе о государственномъ устройствѣ

исчерпывало все содержаніе государственныхъ наукъ прежняго времени. Наука объ управленіи *Verwaltungslehre* есть произведеніе и потребность нашего“ (рѣчь стр. 10). Обращеніе всего вниманія на задачи и способы управленія, имѣло самое рѣшительное вліяніе на измѣненіе отношеній общества къ правительству и науки къ обществу. „Общество и государство, противоположныя, даже враждебныя въ отвлеченной сферѣ права, примираются, сливаются даже въ области управленія, т. е. въ области осуществленія практическихъ задачъ (рѣчь, стр. 11)“. Не могу не привести еще нѣсколько словъ Александра Дмитріевича касающихся этой розни общества и государства: „отношеніе государства къ обществу не есть отношеніе побѣдителя къ побѣжденному; общество принимаетъ участіе въ администраціи не потому, чтобы оно завоевало себѣ какія нибудь права; государство содѣйствуетъ осуществленію разныхъ общественныхъ интересовъ не во имя своихъ верховныхъ правъ, отнятыхъ имъ нѣкогда у общества. Всѣ эти силы дѣйствуютъ во имя солидарности всѣхъ государственныхъ и общественныхъ цѣлей и во имя недостаточности каждой изъ нихъ въ отдѣльности“. „Участіе общества въ жизни государствъ, сознавшихъ эти истины, обезпечило правильное и прочное политическое воспитаніе общества“ (рѣчь, стр. 12). Таково, по мнѣнію Градовскаго, отношеніе общества и государства по политическимъ теоріямъ XIX столѣтія. Что касается отношенія науки къ обществу, то „теперь, говоритъ Градовскій, отъ политической науки требуютъ практичности, т. е. умѣнія указывать обществу дѣйствительныя и возможныя для него задачи. Но въ замѣнъ этого политическія науки нуждаются въ свѣтѣ и въ правдѣ, потому что всякая наука должна быть свѣтомъ и правдою“ (рѣчь, стр. 13). Для нихъ должны быть открыты всѣ средства „наблюденія“, а именно: необходимо обезпечить общеизвѣстность фактовъ политической жизни и возможность ихъ безпристрастнаго, свободнаго обсужденія. Вотъ скромныя требованія политическихъ наукъ, при которыхъ они только и могутъ указывать обществу дѣйствительныя и воз-

можныя для него задачи. „Самая задача и условія политической науки въ Россіи опредѣляются просто“, говоритъ Градовскій въ своей рѣчи: „Высочайшая воля, уставомъ университетовъ 1863 года, открыла намъ средство политическаго образованія, которое должно удовлетворять потребностямъ русской общественной жизни“. „Условія ея развитія также ясны для насъ, — она должна желать, чтобы всѣ начала, возвышенныя современными преобразованіями, укрѣплялись, входили въ жизнь. Смыслъ всѣхъ этихъ преобразованій— пробудить самодѣятельность общества, и открыть средства для проявленія этой самодѣятельности. Общество, призванное къ участию въ отправленіяхъ государственной жизни, конечно будетъ лучшей средой, въ которой разовьется настоящая, связанная съ жизнью, политическая наука. Когда общество говоритъ, заявляетъ о своихъ нуждахъ, о своихъ насущныхъ интересахъ, когда каждый членъ общества причастенъ къ жизни государства, то въ качествѣ присяжнаго, то въ качествѣ избирателя, гласнаго земскаго и городскаго собранія— въ обществѣ нѣтъ мѣста отвлеченнымъ и разрушительнымъ теоріямъ, потому что каждая разрушительная теорія идетъ въ разрѣзъ съ жизнью, развивающейся постепенно“. Какъ просто и ясно говоритъ ученый профессоръ и сколько еще нужно времени, чтобы эти простыя слова вошли въ всеобщее сознаніе. Какъ бы предвидя забвеніе общечеловѣческихъ идеаловъ, появленіе и развитіе шовинизма, Градовскій прекрасно указываетъ на какую высоту станетъ наука подъ вліяніемъ широко развитой самодѣятельности общества. „Она будетъ искать, говоритъ онъ, высшей идеи цивилизаціи не только въ одномъ историческомъ развитіи, не только одного народа, но всего чело- вѣчества, и постоянно говоритъ ему—идеаль вашъ впереди! Поэтому она не станетъ возводить отдѣльныхъ фактовъ современной жизни на степень безусловныхъ истинъ; ни одно учрежденіе, ни одно общественное и экономическое устройство, ни одинъ народъ, не могутъ сказать: я истина, преклонитесь предо мною! Memento mori - скажетъ ему наука!“.

Эта прекрасная во всёхъ отношеніяхъ рѣчь, произвела, по словамъ очевидцевъ, сильное впечатлѣніе на слушателей, собравшихся на торжество университетскаго акта. Послѣ докторской диссертациі Градовскій выступилъ здѣсь впервые передъ публикою не какъ публицистъ, а какъ ученый. Оттого то и важно знать его такъ открыто заявленное profession de foi, ибо послѣдующіе годы, начиная съ 1873 года, знаменательны тѣмъ, что Александръ Дмитріевичъ даетъ одно за другимъ рядъ цѣльныхъ, строго-научныхъ работъ. Въ 1875 году появляется первый томъ его капитальной работы: „Начала русскаго государственнаго права. Томъ I. О государственномъ устройствѣ“; въ томъ же году появилась первая часть его „Германской конституціи“. (Историческій обзоръ). Въ слѣдующемъ 1876 г. появляется второй томъ „Началъ русскаго государственнаго права“, „Органы управленія“ и вторая часть „Германской конституціи“. „Обзоръ дѣйствующей конституціи“. Начавшееся движеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ снова побудило Александра Дмитріевича разъяснить обществу значеніе этого движенія. Въ немъ онъ видѣлъ не только возникновеніе національныхъ стремленій, но и извѣстное пробужденіе массъ и обращеніе ихъ къ извѣстнымъ идеаламъ. Все это отразилось на его публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ 1876 году. Въ октябрѣ 1876 г. были прочтены двѣ лекціи въ пользу славянъ Балканскаго полуострова о „Значеніи идеала въ общественной жизни“, а затѣмъ, въ томъ же году, 12, 14 и 17 декабря были прочитаны А. Д. еще три публичныя лекціи, посвященныя „Національному вопросу“. И тѣ и другіе лекціи вошли въ его сборникъ „Трудные годы“. Но этимъ не исчерпывается дѣятельность Александра Дмитріевича. За это время онъ основываетъ административное отдѣленіе юридическаго общества при Императорскомъ Спб. университетѣ. Читаетъ въ немъ рефератъ о „Земскихъ ходатайствахъ“. Далѣе, въ Сборникѣ государственныхъ знаній напечатаны три, чисто научнаго характера, статьи Градовскаго. Въ I томѣ, изданномъ въ 1874 году, напечатана статья, затрогивающая весьма важ-

ный вопрос всякаго правоваго государства. Статья эта носить названіе „Законъ и административное распоряженіе по русскому праву“. Въ ней А. Д. хотѣлъ возбудить вопросъ „объ опредѣленіи должнаго отношенія между волею верховной власти, выраженной въ законѣ, къ волѣ исполнительной, выраженной въ административномъ распоряженіи“. „Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ упроченіе той степени законности, какой требуетъ отъ своего управленія каждое цивилизованное общество“. Особенный интересъ статьѣ придаетъ то, что въ ней мастерски сгруппированы всѣ средства, существующія въ нашемъ законодательствѣ, для поддержанія силы закона въ его отношеніи къ административному распоряженію. Всѣ мѣры обезпеченія силы закона, которыя старались ввести у насъ въ Россіи до реформъ Императора Александра II, служили выраженіемъ принципа законмѣрнаго повиновенія. Новые суды и новые виды самоуправленія ввели совершенно новый видъ нѣкотораго контроля суда надъ законностью распоряженій и требованій администраціи, и совершенно иначе поставили право жалобы, какъ средства возстановленія нарушеннаго права. Другія двѣ статьи Градовскаго, помѣщенные въ томахъ V и VI, изданныхъ въ 1878 году, посвящены „Системамъ мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи“. Статьи эти носятъ на себѣ отпечатокъ такъ называемыхъ государственныхъ теорій самоуправленія, главными представителями которыхъ являются Гнейстъ и Штейнъ. Desideratъ этихъ теорій состоитъ въ дарованіи органамъ самоуправленія дѣйствительной государственной власти и приданія имъ государственнаго значенія. Въ концѣ 70 и началѣ 80 годовъ Градовскій еще много времени посвящаетъ публицистикѣ. Онъ участвуетъ, какъ постоянный сотрудникъ, въ „Русской Рѣчи“ и въ „Голосѣ“. Особыя политическія обстоятельства поставили ребромъ цѣлый рядъ вопросовъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ былъ вопросъ о социализмѣ. Градовскій, въ статьяхъ своихъ въ „Русской Рѣчи“, подъ названіемъ „Социализмъ на Западѣ Европы и въ Россіи“ --- пытался, насколько это было возможно, опредѣлить роль

и значеніе соціального движенія въ Европѣ (I—III) и собственно такъ называемаго русскаго соціализма (гл. IV). Въ заключительной главѣ (V) этихъ интересныхъ статей, главѣ—озаглавленной „Причины послѣдствія“—Александръ Дмитріевичъ приглашаетъ глубже взглянуть на причины успѣха у насъ утопическихъ а иногда и совсѣмъ неясныхъ теорій. Корень болѣзни, какъ было принято тогда называть, Градовскій видѣлъ въ томъ, что вся Россія превращалась до 1861 года въ міръ мертвыхъ душъ, первичной, вторичной, третичной и иной формаціи. Но были же люди, неуступавшіе ни въ одинъ изъ этихъ слоевъ полумиліона „сидней, увальней и болвановъ“? Были, но они могли только физически или нравственно эмигрировать изъ Россіи, а „въ общественномъ смыслѣ они обращались въ тѣже мертвыя души, въ блуждающіе огни, безслѣдно пролетавшіе надъ родною землею“. Но вотъ настало время обновленія. Въ великомъ дѣлѣ нашли себѣ удовлетвореніе всѣ души. Встрепонулись крестыне, почувавши сладкую волю свободнаго труда; вскинулись на время замершіе въ непробудномъ снѣ отставныя поручики и штабсъ-ротмистры: мощный духъ времени пробудилъ въ нихъ человѣка, они пріосанились и браво исполняли должности мировыхъ посредниковъ. Ободрились и „огорченные чужіе“ и „пострадавшіе“ люди всѣхъ эпохъ. Старые декабристы писали уставныя грамоты и приводили къ соглашенію на выкупъ, на ряду съ петрашевцами, съ огорченными новѣйшаго типа. На этомъ чудномъ пирѣ не было чужихъ людей: всѣмъ было мѣсто и великое царское слово—свобода, нашло отзвукъ во всѣхъ душахъ. Кто не помнитъ эти дни? Кто забылъ это чудное лѣто, обильное тепломъ, дождями, урожаемъ и свѣтлыми надеждами на будущее? Жаль нынѣшней молодежи; она не пережила этихъ дней, не провела ихъ среди народа; у нея нѣтъ этихъ воспоминаній, смягчающихъ сердце человѣка на всю жизнь. Она выросла и растетъ подъ вліяніемъ другаго времени, наступившаго скоро, очень скоро, послѣ свѣтлыхъ лѣтнихъ дней 1861 года“ ¹⁾.

¹⁾ Трудные годы, стр. 237.

Это другое время принято называть переходнымъ и Градовскій въ этой ссылкѣ на переходное время, какъ и въ ссылкахъ на „среду“, „на независящія обстоятельства“, смотреть, какъ на оправданіе всеобщаго равнодушія. Онъ энергически возсталъ противъ молчанія и недуманія, ибо отъ этого мы съ каждымъ годомъ становимся все меньше и меньше годными для борьбы съ „обстоятельствами“. На послѣдующихъ страницахъ Градовскій заставляеть читателя думать о тѣхъ разладахъ въ жизни и недодѣлахъ, которые мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ отъ того, что учрежденія стараго порядка еще не уступили мѣста новымъ требованіямъ. Этотъ анализъ и приводитъ Градовскаго къ вѣрному взгляду на русскій социализмъ. „Въ Россіи, социализмъ является знаменемъ, подъ которымъ собираются люди, побуждаемые самыми разнообразными практическими мотивами. Огромное большинство ихъ движется, конечно, любовью къ народу. Это фактъ неопровержимый. Но въ этой любви, или, вѣрнѣе, состраданіи къ народу, глазъ посторонняго наблюдателя легко можетъ различить двоякій практической мотивъ. Въ дѣйствительности, только небольшая часть социалистовъ, агитаторовъ въ собственномъ смыслѣ, говорить о народѣ по Карлу Марксу и Бебелю. Значительное большинство проникнуто не социалистическою, а юридическою, такъ сказать, любовью къ народу“ (Трудные годы, стр. 263).

„Въ Россіи мотивы увлеченія социализмомъ, въ большинствѣ случаевъ и для большинства, вытекають не изъ социальнаго вопроса, неимѣющаго еще у насъ почвы, а изъ вопросовъ скромно юридическихъ и они вооружають агитаторовъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ, весьма пригодныхъ для ихъ цѣли“ (Трудные годы, стр. 284). Эти юридическіе вопросы, суть вопросы о податной массѣ и цѣломъ рядѣ ограниченій, возникающихъ изъ понятія податнаго состоянія.

Что же дѣлать? „Проникнуться движеніемъ, начавшимся у насъ съ 1857 не трансцендентально, т. е. не со стороны его общихъ принциповъ, а со стороны практическихъ, неотложныхъ задачъ нашего времени“. „Достроить крестьянскую реформу, т. е. преобразовать податную систему, обезпечить

свободу передвиженій и открыть возможность правильного переселенія крестьянъ; привести въ правильную систему новыя судебныя и „общественныя“ учрежденія, пересмотрѣть разныя старыя уставы, остающіеся еще въ силѣ и даже пускающіе свои ростки въ учрежденія новыя; устранить разныя поправки, внесенныя въ новыя законы во имя старыхъ требованій; обратитъ къ дѣятельности по мѣстнымъ учрежденіямъ лучшія силы страны, зная, что въ этихъ учрежденіяхъ школа и фундаментъ всей будущей Россіи; воспитывать общество въ сознаніи права, въ уваженіи къ себѣ и другимъ; въ чувствахъ личной безопасности и достоинства, ибо безъ нихъ невозможна никакая общественная дѣятельность; поднять уровень народнаго образованія широкимъ распространеніемъ школъ и другихъ орудій грамотности, таковы главныя задачи нашего времени“ (Трудные годы, стр. 274).

„Когда эти задачи будутъ поставлены серьезно; тогда общество вспомнить свое прошедшее, 1861 годъ; оно будетъ знать откуда и куда оно идетъ?“ Прекрасно окончаніе этой статьи: „человѣческія идеи и стремленія не уничтожаются по приказу. Пока мы будемъ желать, чтобы ни одинъ человѣкъ не сочувствовалъ социализму, мы будемъ желать невозможнаго. Но когда мы пожелаемъ указать обществу его прямую задачу, откроемъ ему всѣ законные пути къ ея осуществленію и обеспечимъ ему возможность идти по этому пути, въ сознаніи своихъ законныхъ правъ, наша цѣль будетъ достигнута. Мы создадимъ общество, крѣпкое въ правѣ и отвращающееся отъ насилія, какою бы оболстительную форму оно не принимало.“

Достойна большаго вниманія эта статья, такъ какъ Александръ Дмитріевичу приходилось говорить это тогда, когда принято было обвинять во всемъ либеральныя реформы прошлаго царствованія. Единственной панацеею считались мѣры полицейскія, возвращеніе къ старому, но отнюдь не то откровенное движеніе впередъ, въ духѣ реформъ, на необходимости котораго настаивалъ Александръ Дмитріевичъ. То, что онъ такъ ясно и сильно изложилъ въ этой статьѣ, о

томъ ему приходилось по разнымъ поводамъ говорить въ „Голосѣ“. Часть этихъ статей вошла въ „Трудные годы“, часть осталась только въ газетѣ. Въ „Русской Рѣчи“ была напечатана еще очень интересная статья. „Что такое консерватизмъ?“. Эта статья перепечатана и въ „Трудныхъ годахъ“, и обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что даетъ попытку ввести правильную номенклатуру политическихъ партій. Градовскій указываетъ, что нельзя противопоставлять понятія консерваторъ и либераль. Слово либераль указываетъ на содержаніе политическихъ принциповъ; въ этомъ смыслѣ либерализмъ, какъ извѣстная теорія устройства государства, формъ и предѣловъ его дѣятельности, можетъ противопоставляться теоріямъ абсолютизма и гувернантализма (Трудные годы стр. 340). Слово консерваторъ говоритъ намъ не о принципахъ, а только о приложеніи этихъ принциповъ къ условіямъ даннаго общества. Понятіе консерватора, въ этомъ смыслѣ, относится къ соотносительнымъ понятіямъ того же порядка: прогрессиста, революціонера и реакціонера. Консерваторъ и прогрессистъ враги только по виду; консерваторы стараются связать прошедшее съ настоящимъ, прогрессисты настоящее съ будущимъ. И тотъ и другой согласны въ томъ, что обновленіе необходимо и оба они стоятъ на исторической почвѣ. Разница въ томъ, что „консерваторъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы учрежденія прошедшаго видоизмѣнялись согласно требованіямъ настоящаго, и черезъ это приобрѣли бы новую свѣжесть и прочность; прогрессистъ старается внести въ настоящее иныя требованія будущаго, которыя онъ предвидитъ и работу котораго онъ старается облегчить.“ (Трудные годы стр. 343). Далѣе, Градовскій указываетъ на то, что у консерватора и у прогрессиста есть собраты, съ которыми ихъ нельзя смѣшивать. Собратъ консерватора реакціонеръ, собратъ прогрессиста революціонеръ. Реакціонеръ „живетъ стариною, не признавая никакихъ требованій настоящаго“, въ этомъ послѣднемъ его глубокое различіе отъ консерватора. Революціонеръ отличенъ отъ прогрессиста полнымъ отрицаніемъ прошедшаго и настоящаго, на почвѣ которыхъ стоитъ про-

грессистъ, требующій только поступательнаго движенія своей родины въ его исторической полнотѣ. „Обновленіе и капитализація,—такъ резимируетъ Градовскій свое ученіе объ отношеніяхъ политическихъ партій другъ къ другу. Надъ этими двумя условіями нормальнаго историческаго роста трудятся двѣ нормальныя общественныя партіи: прогрессивная и консервативная. И вотъ почему обѣ они отличаются отъ партій, принадлежащихъ къ временамъ застоя или революціонныхъ переворотовъ, ибо тогда не можетъ быть рѣчи ни объ обновленіи, ни о капитализаціи, въ ихъ тѣсной связи и правильномъ соотношеніи.“ Градовскій заканчиваетъ свою статью разборомъ дѣятельности Роберта Пиля, ибо онъ представлялъ типъ консерватора, какъ понималъ это слово Градовскій.

Вотъ тѣ главные вопросы, которые А. Д. поднималъ въ обществѣ въ періодъ конца 70 годовъ. Работая безъ устали, какъ профессоръ, Александръ Дмитріевичъ считалъ своей священной обязанностью поднимать духъ и будить общественную мысль въ „трудные“ семидесятые годы. Что это были за годы? Что мы тогда видѣли? Всего лучше это выражено въ слѣдующихъ словахъ предисловія къ Труднымъ годамъ: „духъ взаимнаго недовѣрія и подозрительности, доходившихъ до паники, время деморализаціи, порождавшей скандалъ, время извращенія всѣхъ нравственныхъ понятій, плодившаго неслыханныя преступленія, время полной утраты общественнаго и національнаго чувства: это время прошло и такова наша надежда— прошло безвозвратно. Дальше идти по тому пути было некуда“. Но Градовскому пришлось пережить выраженные имъ надежды.... Къ началу восьмидесятыхъ годовъ относится страстная полемика съ извѣстными органами Московской печати, сущность теорій которыхъ резюмировалась въ словѣ „назадъ“. Былъ ли въ этомъ крикѣ призывъ къ возвращенію къ испытаннымъ уже и забракованнымъ приемамъ сословно-полицейскаго государства или въ немъ приглашалось правительство вернуться къ какому то неяснымъ формуламъ нашего старо-русскаго строя, что добросовѣстно и съ убѣжденіемъ доказывали славянофильскіе органы, и то и

другое было противно убѣжденію Градовскаго: онъ упорствовалъ и настаивалъ, что путь Россіи указанъ еще въ 1861 году и ей некуда идти назадъ, а лишь впередъ, по тому же пути! Я уже перечислилъ главнѣйшія произведенія этого періода, которыя служатъ главнымъ выраженіемъ этой мысли. Та же мысль о необходимости широкаго допущенія общества къ государственной жизни, мысль о необходимости политическихъ реформъ, такъ или иначе, проходить и черезъ всѣ другія статьи этого періода. Большую часть этихъ статей, вошедшихъ въ „Трудные годы“, составляютъ статьи, помѣщенные Александромъ Дмитріевичемъ въ Голосѣ. Но въ это время Градовскій работалъ не только какъ ученый и публицистъ. Была еще одна важная сфера его дѣятельности—это его значеніе, какъ университетскаго дѣятеля. Что желалъ сдѣлать Градовскій съ университетомъ, объ этомъ современемъ много и ясно можно поговорить, но здѣсь я только припомню его взгляды „на задачу русской молодежи.“ Статья подъ этимъ заглавіемъ появилась въ Голосѣ 1 августа 1879 г. передъ началомъ учебнаго года и затѣмъ была перепечатана въ „Трудныхъ годахъ“. „На ученіе, говорилъ Александръ Дмитріевичъ, необходимо взглянуть со стороны его общаго культурнаго и общественнаго значенія, посмотрѣть на него, какъ на самостоятельную и общую силу, независимо отъ приложенія ея къ отдѣльнымъ профессіямъ и занятіямъ. Съ этой точки зрѣнія мы говоримъ: задача учащейся молодежи состоитъ въ увеличеніи объема русской интеллигенціи“ (Трудные годы, стр. 283). Это самая настоятельная потребность для русскаго народа. „Вы можете, говоритъ Градовскій, принести пользу народу только оставаясь самими собою, т. е. частью русской интеллигенціи, постепенно увеличивая число образованныхъ, разумныхъ и нравственныхъ русскихъ людей“ (стр. 225).

Но что же такое интеллигенція? „Мы называемъ интеллигенціею совокупность такихъ умовъ, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается разумѣніе всѣхъ потребностей цѣлой страны, отъ верхняго ея слоя до нижняго, всѣхъ ея стремленій и задачъ, которыя умѣютъ дать разумную формулу всякому

движенію, указать исходъ всякому замѣшательству и нравственному вліянію которыхъ подчиняются всѣ дѣйствующія силы страны“ (Трудные годы, стр. 285—6).

Этой то интеллигенціи почти и нѣтъ у насъ. „Отъ этого мы и разсыпаны какъ песокъ морской, разбиты на сословія и классы, на города и сельскія общества, на дворянство и духовенство, безъ всякаго центра единенія безъ дѣйствительнаго пониманія общественныхъ цѣлей и безъ умѣнья вести какое либо общественное дѣло.“ Въ этомъ призывѣ молодежи къ дѣйствительному серьезному общественному дѣлу Градовскій остается вѣренъ себѣ. Это желаніе отстоять необходимость извѣстныхъ условій общественной среды, для выработки человѣческихъ идеаловъ, звучитъ сильно и страстно въ его полемикѣ съ Ѳ. М. Достоевскимъ, по поводу извѣстной рѣчи послѣдняго на пушкинскомъ торжествѣ въ Москвѣ. Въ рѣчи Достоевскаго слышалась сильная проповѣдь личной нравственности, возможной и осуществимой въ общественныхъ условій. Градовскій увидѣлъ въ этомъ нѣкоторый симптомъ начала общественной реакціи, къ которой могло привести раздѣленіе индивидуальнаго и общественнаго начала и игнорированіе послѣдняго. Градовскій горячо стоялъ за необходимость единенія того и другаго. Истинно нравственная, свободная личность можетъ выработаться только среди всевозможныхъ національныхъ, соціальныхъ и политическихъ теченій!

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ почти прекращается столь плодотворная публицистическая дѣятельность Градовскаго. Все свое вниманіе онъ переноситъ на университетъ. Здоровье его начинаетъ слабѣть, и онъ, точно предчувствуя, что не много лѣтъ въ его распоряженіи, снѣшить подвести итоги своей дѣятельности, какъ профессора, и поэтому, въ теченіи 80-тыхъ годовъ, одинъ за другимъ выходятъ въ свѣтъ его курсы. Въ 1882 году появились, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, его лекціи по общему государственному праву, читанныя студентамъ I курса юридическаго факультета. Курсъ этотъ распадается на 2 книги: I книга. Общее ученіе о государствѣ и II книга. Теорія государственнаго

права. Несмотря на свое названіе— „лекціи“, этотъ трудъ представляетъ систематическій и законченный курсъ государственнаго права, вполне выдерживающій сравненіе съ любымъ догматическимъ курсомъ, знакомымъ намъ въ иностранной литературѣ. Въ слѣдующемъ году этотъ курсъ былъ значительно пополненъ исторіею распространенія конституціонныхъ учреждений на западѣ Европы, но за то обратилась философская его часть. Въ томъ же году издается III томъ „Началъ русскаго государственнаго права. Органы мѣстнаго управленія. Часть I. Введеніе. Историческій очеркъ мѣстныхъ учреждений въ Россіи. Учрежденія правительственныя и дворянскія. С.-П.-Б. 1883 г.“. Слѣдующая часть, которая не появилась, должна была охватить виды самоуправленія: крестьянскаго, земскаго и городскаго. Градовскій ждалъ рѣшенія вопроса о нашемъ самоуправленіи; въ томъ или иномъ смыслѣ, вопросъ былъ тогда поставленъ на очередь правительствомъ. Для слушателей университета было издано имъ краткое руководство по мѣстнымъ учреждениямъ Россіи.

Эта небольшая книжка составляетъ у насъ единственное, хоть краткое, но въ тоже время охватывающее всѣ формы нашего мѣстнаго управленія изложеніе предмета. Въ 1885 году появляется послѣдній курсъ по государственному праву, чисто догматическаго характера. Элементы философскіе и историческіе въ это время обрабатывались Градовскимъ для широкаго задуманнаго имъ сочиненія— „Государственное права важнѣйшихъ европейскихъ державъ“. Въ 1886 появляется первый томъ этого сочиненія. Часть историческая. Задача его дать „историческій очеркъ развитія и распространенія конституціонныхъ учреждений на западѣ Европы“. Это сочиненіе одно изъ самыхъ капитальнѣйшихъ трудовъ А. Д. Градовскаго. Трудъ этотъ, къ сожалѣнію, у насъ былъ совсѣмъ не понятъ и не оцѣнено его значеніе. Только самое тщательное его изученіе и сравненіе съ тѣмъ, что сдѣлано по этому предмету на западѣ, только это можетъ дать намъ правильный взглядъ на этотъ важный трудъ. Градовскій, какъ это видно на стр. 34 его труда, задумалъ его выполнить въ 4 частяхъ: первая,—вы-

шедшая въ свѣтъ, посвящалась исторіи, послѣдующія части предполагалось посвятить догматическому изложенію началъ и формъ государственнаго устройства, при этомъ вторая часть должна была излагать общія начала конституціонализма, а въ третьей части А. Д. предполагалъ сдѣлать обзоръ учрежденій конституціонныхъ монархій; четвертая часть должна была говорить о республикахъ и федераціяхъ. Изъ этого проспекта видно, каковой замѣчательный вкладъ въ литературу былъ бы, если бы Александру Дмитриевичу удалось довести до конца свое изданіе. Но вскорѣ здоровье его настолько пошатнулось, что онъ хотя и думалъ все время продолжать свой трудъ, но уже не въ состояніи былъ приступить къ этому.

То, что должно было войти въ неизданныя части его труда, почти все было написано, но Градовскій всегда съ такимъ уваженіемъ относился къ печати, что не рѣшался выпускать что либо въ свѣтъ безъ тщательной отдѣлки. Въ 1887 году А. Д. по настоятельной просьбѣ студентовъ выпускаетъ новое изданіе II тома своихъ началъ русскаго государственнаго права. За періодъ 1882—86 годовъ Градовскій только изрѣдка выступалъ на страницахъ журналовъ. Изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ за это время въ Вѣстникъ Европы, только одна можетъ считаться преимущественно публицистической. Это напечатанная въ маѣ 1882 г. статья: „По поводу одного предисловія. Н. Страховъ. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ“. Другія статьи чисто научнаго характера: это „Система Меттерниха“ (январь и февраля 1883 года) и „Государство и церковь въ Пруссіи. Пятнадцать лѣтъ культурвампфа 1870—1886 г.г.“ (іюль, августъ, сентябрь 1886 г.). За этотъ же періодъ въ 1883 году былъ прочитанъ А. Д. рефератъ въ административномъ отдѣленіи юридическаго общества „Крестьянскіе выборы въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній“. Рефератъ этотъ былъ напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы (май 1883 г.). Таково самое краткое перечисленіе того, что сдѣлалъ А. Д., издавая тѣ или иные публицистическіе и научные труды. Много еще осталось сказать о вліяніи Александра Дмитриевича въ уни-

верситетѣ, обществѣ и вообще на тѣхъ людей, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Но слишкомъ еще свѣжа могла и слишкомъ близки намъ по времени обстоятельства, среди которыхъ дѣйствовалъ Градовскій, чтобы объ этомъ можно было свободно говорить. Исторія дастъ полную и подробную оцѣнку Градовскаго. Моя задача была намѣтить нѣкоторые факты изъ дѣятельности покойнаго, тѣ факты, которые наиболѣе связывали Александра Дмитріевича съ русскимъ обществомъ. Но и не высказывая полной оцѣнки Александра Дмитріевича, какъ ученаго и публициста, нельзя не остановиться на двухъ, бросающихся въ глаза, данныхъ. Во первыхъ, всякій знакомящійся съ его научными произведеніями прежде всего долженъ отдать справедливость тому, что Александру Дмитріевичу, первому у насъ государственнику, принадлежитъ честь постановки изученія политическихъ явленій на позитивную почву. Второе, что можно и необходимо видѣть во всѣхъ его трудахъ, это то что его „святая святыхъ“ — свобода человѣческой личности. Вотъ идеаль, къ которому онъ неустанно стремился. Для свободы личности необходимы не только одни индивидуальныя условія, обращеніе души къ высшимъ началамъ міра, но и условія общественной и политической жизни. Въ свою очередь, несовершенства политической и общественной жизни часто, особенно у насъ, свидѣлствуютъ, говоря словами Градовскаго, о слѣдующей нехитрой истинѣ: никакія общественныя установленія не могутъ развиваться, ни даже пустить корни, если человѣческая личность не обезпечена въ своихъ элементарныхъ правахъ, если — говоря словами Еватерины II — „гражданинъ не имѣетъ спокойствія духа, происходящаго отъ мнѣнія, что всякій изъ нихъ собственно наслаждается безопасностью“.

Высказывая постоянно рядъ такихъ нехитрыхъ истинъ, Градовскій сталъ дорогъ мыслящему русскому обществу. Его талантливныя и горячія слова постоянно находили себѣ отзвукъ въ тысячахъ сердецъ въ Россіи.

М. Сельминковъ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

I. Узакононенія и распоряженія правительства	CLIII-CLVI.
II. Безспорный порядокъ производства гражданскихъ дѣлъ <i>К. Змирлова</i>	1 — 36.
III. Правила фабричнаго найма рабочихъ и надзоръ за отношеніями хозяевъ и рабочихъ <i>В. Яроцкаго</i>	1 — 50.
IV. Смертная казнь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ <i>Н. Сергѣевскаго</i>	51 — 60.
V. О гражданскомъ правѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ <i>А. фонъ-Резона</i>	61 — 83.
VI. Александръ Дмитріевичъ Градовскій <i>М. Саминикова</i>	84 — 114.
VII. За мѣсяць (юридическая хроника). Открытіе окружныхъ судовъ въ Прибалтійскомъ краѣ.—Закрытіе судовъ ржевскаго и рымбискаго.—Отчетъ эмеритальной кассы судебного вѣдомства за 1888 годъ.—Дѣла Давыдова и Кейкубать-Мирзы въ сенатѣ и Гаврилова—въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ.—Засѣданія юридическихъ обществъ, казанскаго и одесскаго <i>З.</i>	115—146.
VIII. Письмо въ редакцію	147—148.

Замѣтки.

IX. Законъ 12 іюля 1889 года о преобразованіи судебной части и введеніи земскихъ начальниковъ <i>А. Башмакова</i>	1 — 17.
X. Нѣкоторые вопросы реформируемаго волостнаго суда <i>А. Тютрюмова</i>	17 — 31.
XI. Новыя данныя по уголовной статистикѣ Германіи <i>Г. Слюзберга</i>	31 — 39.
XII. О правѣ судебного слѣдователя требовать дополненія дознанія <i>В. Шамонина</i>	39 — 49.
XIII. Бродяжничество или нѣтъ? <i>П. Дякуба</i>	49 — 61.